

все существо мое и отняло бы языкъ. Теперь ужъ такое чувство даже страшно, хотя я соглашалъ бы, увѣряя, что не желаю его. Что бы я съ нимъ сталъ дѣлать, съ моею дряблостью души, съ моимъ дряннымъ здоровьемъ, моею бѣдностью и моею совершенною расторженностью съ дѣйствительностью нашего общества. Я человѣкъ не отъ міра сего. И потому вполне убѣдился, что для меня не можетъ быть никакого счастья, и что въ самомъ счастьи для меня было бы одно несчастье“.

„Я теперь много думаю объ эгоизмѣ. Это интересный предметъ для изслѣдованія. Духъ тѣмъ и злости есть не кто иной, какъ эгоизмъ. Когда эгоизмъ является въ собственномъ своемъ видѣ—онъ просто гадокъ, или просто страшенъ, какъ враждебная для другихъ сила; но онъ не обольстителенъ, и никого не соблазнить, а всѣхъ отратить отъ себя. Опаснѣе бываетъ эгоизмъ, когда онъ добродушно самъ считаетъ себя самоотверженіемъ, внутреннею жизнью. Гете, по моему мнѣнію, былъ воплощеніемъ такого эгоизма. Вникните въ характеръ Эгмонта, и вы увидите, что это лицо играетъ святыми чувствами, какъ предметомъ возвышеннаго духовнаго наслажденія; но они, эти святыя чувства, въѣдо и не присущи его натурѣ. „Какъ сладостна привычка къ жизни“, восклицаетъ онъ, и на это восклицаніе хочется мнѣ воскликнуть ему: „какой же ты пошлякъ, о голландскій герой!“ Гофманъ саркастически заставляетъ Кота Мурра цитировать это восклицаніе... Для Эгмонта патриотизмъ не болѣе, какъ вкусное блюдо на пирѣ жизни, а не религиозное чувство. Святая натура и великая душа Шиллера, закаленная въ огнѣ древней гражданственности, никогда не могла бы породить такого гнилого идеала... На созерцаніе эгоистической природы Гете особенно навела меня статья во 2 № „Отеч. Зап.“—„Гете и графиня Штольбергъ“. Гете любитъ дѣвushку, любимъ ею—и что же? онъ играетъ этою любовью. Для него важны ощущенія, возбужденныя въ немъ предметомъ любви, — онъ ихъ анализируетъ, воспѣваетъ въ стихахъ, носится съ ними, какъ курица съ яйцомъ; но личность предмета любви для него—ничто, и онъ борется съ своимъ чувствомъ и побѣждаетъ его изъ утжденія мерзкой сестрѣ своей и „дражайшимъ“ родителямъ. Дѣвushка потомъ умираетъ, — и ни одинъ стихъ Гете, ни одно слово его во всю остальную жизнь его не напомнило о милой, поэтичной Лили, которая такъ любила этого великаго эгоиста. Вотъ онъ—идеализированный, опозориванный, холодный эгоизмъ внутренней жизни, который дорожитъ только собою, своими ощущеніями, не думая о тѣхъ, кто возбудилъ ихъ въ немъ... Итакъ, самый опасный эгоизмъ есть тотъ, который принимаетъ на себя личину любви и добродушно убѣжденъ, что онъ—самая возвышенная, самая эфирная любовь. Кто любитъ все, тотъ ничего не любитъ, ибо все граничить съ ничто. Такъ Гете любилъ все, отъ ангела въ небѣ до младенца на землѣ и червя въ морѣ, и потому не любилъ ничего.

И въ мірѣ все постигнуть онъ,
И ничему не покорился!

сказалъ о немъ Жукъ, не думая, чтобы въ этой похвалѣ заключалось осужденіе Гете. Переписка его съ „милою Августою“ Шт. смѣшна до крайности. Какая сентиментальность—точно сладкій нѣмецкій супъ! „Разинь, душенька, ротикъ—я положу тебѣ конфетку“ — такъ и твердитъ онъ Августѣ, а та, на старости лѣтъ сошедши съ ума, вздумала обращать его къ пѣтизму. Можетъ быть, я ошибаюсь на этотъ счетъ, но

Богъ съ нимъ, съ этимъ Гете: онъ великій чело-
вѣкъ, я благоговѣю передъ его гениемъ, но
тѣмъ не менѣе я терпѣть его не могу. Недавно
прочелъ я его „Германа и Доротею“ — какая
отвратительная пошлость!“...

„Натура моя не чужда акта отрицанія, и я
перешелъ черезъ нѣсколько моментовъ его; но
отказаться отъ желанія счастья, котораго не-
возможность такъ математически ясна для ме-
ня,—еще нѣтъ силъ, и сохрани Богъ, если не
станетъ ихъ на совершеніе этого послѣдняго
и великаго акта. Вы читали Ногасе? Помните
Ларавиньера?—вотъ чело-
вѣкъ и мужчина. Но
какъ трудно сдѣлаться такимъ чело-
вѣкомъ, право, труднѣе, чѣмъ уподобиться Гете. Право,
простыя добродѣтели чело-
вѣка выше и труднѣе
блестящихъ достоинствъ гения“.

„...Семейнаго знакомства у меня мало, одна-
кожъ я часто бываю въ обществѣ женщинъ,
очень добрыхъ и очень милыхъ, но которыя
только возбуждаютъ во мнѣ глубокую, тоскли-
вую жажду женскаго общества... Съ горя, что-
бы любить хоть что-нибудь, завелъ себѣ ко-
тешка и иногда развлекаю себя удовольствіемъ
кроткихъ и невинныхъ душъ—играю съ нимъ“...

Къ М. В. Орловой.

Окт. 12.

„...Третьяго дня получилъ я отъ васъ
письмо, которое сдѣлало меня кротко и тихо,
но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко счастливымъ;
образъ вашъ въ душѣ моей снова сталъ свѣ-
телъ и прекрасенъ, и я сказалъ вамъ правду
во вчерашнемъ письмѣ, что это ваше письмо
могло бы воскресить меня умирающаго. Да, до
4 часовъ нынѣшняго дня, я былъ невыразимо
счастливъ вами и черезъ васъ: мысль о васъ
дѣйствовала на мою грудь освѣжительно, я чув-
ствовалъ вокругъ себя ваше незримое присут-
ствіе, жилъ двойною жизнью. Я не жалѣлъ о
томъ, что письмо мое заставило васъ много и
тяжко страдать: страданье благотно тогда,
когда оно ведетъ къ сознанію. Мнѣ было бы
даже не-
приятно, если бы вдругъ вы спокойно
согласились со мною въ томъ, чего за минуту
и представить не умѣли себѣ какъ возможное
и естественное, и потому въ вашемъ страданіи
я видѣлъ органическій, живой процессъ созна-
нія и благословилъ его. Ваше письмо было на-
писано въ два приѣма, и составляетъ какъ бы
два письма. Первое оканчивается изъясненіями
вашей любви ко мнѣ, которыя тронули меня до
глубины души, до слезъ; почеркъ слабѣетъ и
послѣднія строки едва дописаны—волненіе ду-
ши вашей прервало ихъ. Второе письмо начи-
нается мыслью, что ваше страданье было не-
безполезно—и по вашему рѣшенію ѣхать въ П.
я увидѣлъ, что вы съ честью и побѣдою вышли
изъ борьбы. Да, ваше письмо было прекрасно;
какъ въ зеркалѣ, отражало оно въ себѣ вашу
душу, ваше сердце, все, что я въ васъ такъ
высоко уважалъ, а потому и любилъ. Въ этомъ
письмѣ вы были самой собою, безъ всякихъ
постороннихъ вліяній.

Сегодня получилъ я отъ васъ второе пись-
мо, которое вы написали, побывавъ у своего
дражайшаго дядюшки, и въ которомъ *потому*
я уже не узналъ васъ. Въ немъ ничего нѣтъ
вашего, — особенно вашей благородной откровенности: вы хитрите и лукавите со мною, а
можете быть, прежде всего съ самой-собою. „Я
привѣду, непременно привѣду“, говорите вы, но
къ этому прибавляете: „если вы такъ этого
хотите“. А развѣ вы не знаете, что я такъ этого
хочу? Развѣ вы не знаете, что я такъ этого